

2. 7 ИЮЛЯ 1972

У В Л Е Ч Е Н И Е И СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ

НА СПЕКТАКЛЯХ МОСКОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА НА МАЛОЙ БРОННОЙ

Эти спектакли начались без предварительной «прикидки», как иной раз случается с гастролерами, «совлажившими» новые места. Обе сценические площадки—Минского Дома офицеров и Русского театра БССР—они обжили и почувствовали себя в надлежащей артистам с Малой Бронной форме буквально с первых реплик, пронзенных перед минчанами. Это — профессионализм, уверенный и надежный. За него, быть может, прежде всего и полюбился наш июльский гастролер зрителям белорусской столицы.

В чем же он, этот профессионализм, проявляется? Взаимная впечатлительность от увиденного, отмечая увлеченность всего ансамбля исполнителей игрой лэсой. Непреходящее очарование театрального искусства и на этот раз планило зрителя преимущественно яркостью артистической труппы. Она богата индивидуальностями, но это в то же время ансамбль, нацеленный всегда на решение конкретной задачи.

И чести режиссуры — А. Дунаева, А. Эфроса, А. Гончарова и других — она ставит увлекательные для авторов задачи. Снабжен, «Человек со стороны» И. Дворецкого транслирует артистам как остроинтересное столкновение убежденных в своей правоте в общем-то почти сплошь хороших людей. Только один из них во главе с трезвым реалистом и мечтателем Чешковым (у артиста А. Грачева это подспудно и вместе с тем выразительно стало как бы внутренним смыслом героя — хочет человек отличный металла варить!) исходит из современных требований, а другие полагают, что техника, формы организации производства являются, а люди есть люди, и они, в отличие от стальных и мартовых, должны любить друг друга, воспринимая любовь. Постепенно и неуклонно старание эту стену воспринимательской круговой поруки на Невском заводе «человек со стороны», и театр на только вербует нас, зрителей, в число горячих сторонников Чешкова, а и призывает, как неосторож и как необходим в нынешних условиях лояла в Лри-вичком поведении, в нравственной усложненности, а автоматизме, если только в этом присутствует хоть капля фальши. Исполнители роли Чешкова на Малой Бронной организации ее не переносит. Из морального протеста против фальши (он у А. Грачева протестует не криками и лозунгами, а логикой частого инженерного мышления) возникает у героя резкая неприязнь. Вражда бы и без них мог прожить Чешков! Но — нельзя, не может. И вот уже рядом с ним преодолевать эту туну беретс я один, второй, третий...

Актерская сосредоточенность на действии и делает характеры, выведенные на сцену из заводских цехов, живыми и убедительными. Температурой делового администратора подкупает Я. Бикин С. Соколовского; слуховым приложением «наперекор всему» — Палухина Л. Броневой; интуитивным правом на приближенный выдвигает почета — Плукин Б. Кудрявца; этническим флегматизмом вечного исполнителя — Мангаров Н. Волкова; властью оперативных решений — Крюков В. Платова...

Там и значителен «Человек со стороны» в театре на Малой Бронной, что в текущей последовательности производственного характера он актерской сосредоточенностью на мысли «сверхзадача», раскрывает неотразимое величие борьбы, движения, развития.

Или пример с классикой. «Ромео и Джульетта» В. Шекспира. Конечно, правы те, кто подчеркивает принципиальную нешаблонную трактовку этой горестной истории, которую театр вызволил от пут традиционной патетики. Но давайте задумаемся, что же все-таки волнует нас в спектакле больше всего? И снова ответ будет — мысль. Мысль, которая внезапно открылась юной Джульетте О. Яковлевой (внезапность играет, кстати, ею с совершенной актерской непосредственностью и без нажима) и, отставив в ее душе почти все иные чувства, пробуждает в хрупком существе Чешкова с большой буквы. Хотя Шекспир и вынуждает героиню много и горячо размышлять и говорить о любви, О. Яковлева одарит свою Джульетту еще не осознанным зрелым, но уже воинствующим озарением: она постигла сердцем, что единственный враг ее счастья — предрассудок, то, что Ромео — Монтеки, а она — Капулетти. Больше ничего, никаких ярлов в подвездном мире нет, но нет и сил, которые бы открыли глаза на ложность этого предрассудка в Вероне всем, почти всем...

Вероятно, театр на Малой Бронной в какой-то миг, без предварительных рациональных умоза-

ключений, почувствовал именно это озарение Джульетты эмоциональной и нравственной вершинной трагедии. Последовал за ним (подчеркнем, без нарочитых акцентов) и — смислал признание даже у адептов канонического прочтения классики. Уж больно глубока и трагедина эта главестнующая мысль, очень она по-шекспировски масштабна!

Плодотворность творческих исканий труппы с Малой Бронной подтверждается и довольно старым по армении спектаклем «Визит дамы» Ф. Дюрренматта. Пускай эзискательный глаз заметит в нем и некоторые признаки, прямо скажем, обветшалости (износились декорации, исполнители второстепенных ролей играют подчас механически). Но вот возникает — да, возникает удивительный «призраком во плоти» — дама, и зал загоразивает игра Л. Сухаревской. Кто она — Баба Яга, которая может «все на свете»? Некогда оскорбленная в родном городке девица, прибывшая сюда с визитом для мести? Или — женщина, в которой никогда не гаснет отсвет честной бедности Нет, актриса и не думает обелять-реабилитировать Клару Циханасьян. Она знает, что «Визит дамы» — гротеск, трагикомическая гримаса, вызванная общественным разладом в мире чистого, где покупается и продается (дама это прокламирует не однажды) все — от яски до убеждений. И в Кларе Л. Сухаревской натянута струна, звучание которой втайне ужасает и ее самое, и окрыляет в жежде мщения городку Гюллену. У нее миллиарды, у нее власть, она воляна заставить бургомистра и гимназических учителей, медиков и подличийских извратиться так, чтобы все они захотели... убить человека. Гуманисты, либералы, верящие в иллюзию своей доброты, в справедливость своих законов, они встанут на колени, едва она прошепчет банковским чеком в кругленькую сумму! Вот это и делает престою, в сущности, женщину, какой осталась в душе Клара, экстраординарной даже в собственных глазах. И изумленная жидкой образа даже в поставленном по законам античного гротеска спектакля воспринимается нами как сложной, по-граждански активной размышляющей театра, и особенно актрисы о непримиримых противоречиях современного общества Запада.

Разумеется, можно было бы привести такой художественный сосредоточенности труппы с Малой Бронной пример и в иных ее постановках. Впечатлительность работ театр вызывает чувство радости от встречи с пытливыми и умелыми мастерами своего дела. Авладируешь артистичным удачно режиссерским находкам в «Трибунале» А. Макакина и в «Свете Алейки» по Ф. Достоевскому, в «Счастливый день несчастного человека» А. Арбузова и в «Золотом нарете» Л. Леонова. Дослудыш, когда вдруг в строго выверенную партию этого или иного спектакля вторгается нечто случайное. Особенно, когда продолжением достижений становится иная недостижка. Там, тот же А. Грачев и «Человек со стороны» разлетелся по сцене Чешков тогда вылился из «защитных» и «взвешиваемых» О. Яковлева во время «Мести трагедии от страстной духовной сосредоточенности Джульетты неслучайно да и передает и моральной экзальтации. Большой мастер В. Тенин в «Визите дамы» переусердствует, когда его Алфред Ния начинает ощущать и демонстрировать себя как жертву, заранее обреченную на смерть...

Все это так, без протеста не обходится и вполне сложившаяся ансамбль.

А главное впечатление остается чрезвычайно светлым. Июль нынешнего года приблизил к минчанам один из интереснейших и по-настоящему творческих театров Москвы. Яркость его сценических воплощений, которую «интерга» вызывает лишь следствием художественных экспериментов, жидется на подлинном эмоциональном подъеме всегда, (ни, во всяком случае, в лучших работах показанного репертуара) от ясной идейно-творческой мысли, почерпнутой из недр драматургического текста, а не навязанной автору. Тонко выдерживая жанровые особенности драмы, трагикомедии, водевиля, театр с Малой Бронной умеет извлечь поучительную мораль из воспроизводимой на подмостках жизни и зарзативно, увлеченно передавать ее зрителям. Потому и полюбился он минчанам, ранее только читавшим или слышавшим о его репутации самобытного коллектива.

Б. БУРЬЯН.